

Tatiana Bobrikova <https://orcid.org/0000-0002-5636-3615>
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm (Russia)
e-mail: tatiana.bobrikowa@yandex.ru

Конструирование пространственных образов: от когнитивной лингвистики к когнитивной поэтике (на материале романа Милорада Павича «Drugo telo»)

Аннотация

Статья посвящена проблеме конструирования пространственных образов в романе Милорада Павича «Drugo telo». Выявлено, что механизм ментального конструирования пространственных образов основан на принципе дополнительности вербальных и невербальных языков, то есть на принципе мультимодального кодирования информации. За вербальным текстом стоят визуальные, аудиальные, тактильные и иные образы. Достоверность ментальных пространственных образов обеспечивается детальностью воспоминаний, на которые опирается читатель в ходе интерпретации текста. Реалистичность восприятия текста предуготована тем, что за словесными индексами в памяти читателя хранятся иконические невербальные картины.

Ключевые слова: пространственный образ, ментальные репрезентации, мультимодальное кодирование, Милорад Павич

Вводные замечания, материал и методология исследования

Пространство – одна из важнейших категорий восприятия мира. Изучая человеческое мышление и сознание, когнитивисты неизбежно опираются на это понятие, поскольку осмысление мира происходит в рамках пространственно-временного

континуума. Пространственные объекты актуализируются и семантизируются в языке. Так, пространственными метафорами описывается ориентация человека в физическом мире. Теория концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Lakoff, Dzhonson, 2004: 35–45) объясняет, что понятие счастья связано с верхом («быть на вершине блаженства»), а понятие печали – с низом («упал духом»). Ориентационные метафоры априорно заложены в человеческом опыте. С одной стороны, они связаны с зеркальными структурами мозга, с другой – сами формируют ментальный образ физической реальности.

В итоге, пространство осмысливается человеком только посредством ментальных представлений об этом пространстве. В этом сходятся культуролого-социологическая, семиотическая и когнитивистская парадигмы. Пространственный поворот в интеллектуальной истории XX века (Bachmann-Medick, 2017) говорит о том, что мир дан человеку в репрезентациях – образах, возникающих как результат замещения объектов мира и их конфигураций в системах знаков. В сознании человека структурируются ментальные модели внешнего мира. В этом смысле пространство «производится» (Lefevr, 2015), а значит, мы имеем дело не с пространством как таковым, а с пространственными образами.

Цель этой работы заключается в анализе когнитивно-семиотических механизмов конструирования и восприятия пространственных образов. Эта проблема будет обсуждаться на примере романа Милорада Павича «*Drugo telo*». Мы исходим из того, что для когнитивиста нет принципиальной разницы между пространственными образами, возникающими в результате взаимодействия человека с реальностью (образ реального города и др.), и пространственными образами, созданными воображением писателя.

Несколько слов о романе М. Павича. «*Drugo telo*» (2006) – один из последних его текстов. Действие пятичастного романа начинается и заканчивается в Сербии, но в его хронологическую канву вплетаются события, происходящие далеко за её пределами. Безымянный писатель (автопортрет Павича) и его жена Лиза Свифт, археолог, живущие в наше время, ищут ответ на вопрос: может ли человек после смерти обрести другое физическое тело, как это произошло с Иисусом Христом после воскресения? Этим же вопросом в романе задавались и Анна Поцце (Венеция, 1770 г.), и монах Гавриил Стефанович-Венцлович (Венгрия, 1749 г.), прибегая к помощи ряда символических объектов: стиха, Богородицыных слез и перстня из живого камня. Сюжетные параллели романа позволяют одновременно существовать в различных пространственно-временных точках, что иконически воспроизводит когнитивные возможности человеческого мозга: физическое тело человека соотносится с минутой я-здесь-сейчас, при этом его сознание позволяет перемещаться в различные точки прошлого и будущего, то есть пребывать в них.

В процессе когнитивно-семиотического анализа пространственных образов романа мы обращаемся к системе следующих вопросов:

- как функционирует система пространственных сред романа в качестве сложно организованного конструкта;
- каковы семиотические инструменты репрезентации пространства;

- почему кодирование пространственных образов отмечено мультимодальным характером.

Теоретико-методологические установки работы связаны с исследованиями в областях семиотики пространства, когнитивной лингвистики и когнитивной поэтики. Когнитивная методология даёт возможность работать в понятийных рамках теории ментальных пространств Ж. Фоконье (Fauconnier, 1985), теории концептуальной интеграции (блендинга) Ж. Фоконье и М. Тернера (Fauconnier, Turner, 1998), языковой концептуализации Л. Талми (Talmy, 1983), когнитивного картирования (Tolmen, 1980). Семиотический метод позволяет выявлять способы репрезентации пространства (индексальный иконизм, символизм), а также объяснять, почему пространственный образ всегда имеет мультимодальный характер, то есть создаётся по принципу дополнительности вербальных и невербальных систем культуры. Когнитивная поэтика объясняет механизмы, в силу которых происходит конструирование и декодирование пространственных образов текста.

Мы будем исходить из серии теоретических пресуппозиций:

- пространственный образ – исключительно ментальный конструкт, создаваемый человеческим сознанием с целью адаптации к миру;
- пространственные образы неоднородны. Они формируются как контаминация «частных» пространств: образ физического мира (его география, топология и др.), пространство текстов культуры, пространство памяти и др.;
- пространственный конструкт никогда не имеет структурной законченности и пребывает в стадии становления (Bashlyar, 2014: 11).

Структура пространственного образа в романе Милорада Павича «*Drugo telo*»

В романе «*Drugo telo*» представлены пространственные локусы различной семантики: геофизическое пространство, пространство истории и текстов культуры, пространство верований и религии, пространство сновидений. Каждая из этих сред не может описываться как автономная. Так, объекты геофизического пространства одновременно могут рассматриваться как знаки пространства культуры. Например, Гранд-канал и мост Риальто не только географические локусы Венеции, но и произведения искусства, культурные символы города. Упомянутые в романе здания и сооружения, среди которых Собор Санти-Джованни-э-Паоло, Понте-делле-Тетте, церковь Санта-Мария делла Пьета и другие, – это памятники архитектуры Италии XIV, XV и XVIII веков.

Символическое значение реалий физического мира усложняет представления о физическом мире – по существу, стирает границы между физической реальностью и культурных смыслов, идей и концептов. Дунай как граница между своим и чужим миром, как дорога в рай в славянской традиции: *jedna od četiri reke koje izviru iz Raja*, Дунай *teče iz Raja, dakle iz večnosti*.

Подобной онтологией в тексте обладают и его персонажи. С одной стороны, они локализованы в точках своего рождения и жизни: Захария Орфелин, Сербия,

XVIII век; Гавриил Стефанович Венцлович, Венгрия, XVII–XVIII вв.; Павле Юлинац, Сербия, XVIII в., Антонио Вивальди, Италия, XVII–XVIII вв.; Джузеппе Тартини, Италия, XVII–XVIII вв. и др. С другой стороны, все они стали символическими «текстами» культуры. Захария Орфелин, Гавриил Стефанович Венцлович, Павле Юлинац – сербские просветители, первые авторы книг на сербском языке, их голос – голос самого сербского языка. Антонио Вивальди – символ музыкальной гармонии и соразмерности звуковых форм мышления.

Среди персонажей романа М. Павича не только люди, но и книги. Книги (с точки зрения материи закононосителей, это физические объекты-«вещи») создают культурно-исторический фон романа. Павич упоминает, прежде всего, книги религиозной тематики: Библию, древнееврейские книги по каббалистике «Сефер ха-Темунах» («Книга образа») и «Сефер ха-Зогар» («Книга сияния»), сочинения Иоанна Златоуста, «Преображение Господне» Г. Стефановича-Венцловича. Представления об истории и антропологии европейской цивилизации формируют «История о жизни и славных делах великого государя и императора Петра Первого» З. Орфелина, «Краткое введение в историю происхождения славяно-сербского народа» П. Юлинаца, «Опыт Казанской истории древних и средних времен» П.И. Рычкова, «История Карла XII» и «История Петра Великого» Вольтера. Топологический образ мироздания зашифрован в «Божественной комедии» Данте, романе самого М. Павича «Внутренняя сторона ветра» и др.

Репрезентация книг носит, с одной стороны, индексальный характер (в романе приводятся их названия и имена авторов, не описываются цвет, формат и объём изданий). Однако для Павича и его «идеальных» читателей эти индексы имеют отчётливую символическую подкладку. Прежде всего, романная библиотека этих книг составляет важнейшую часть интеллектуальной и духовной культуры Европы. Семиотический дуализм книг (индекс с символической подкладкой) непосредственно связан с когнитивно-семиотической идеей романа: мир есть семиозис, в котором нет автономных знаков, а жизнь каждого знака есть серия воплощений в «другое» тело. Так, книга как вещь становится знаком. Имя книги – её индекс. История книги в культуре связана с обретением символического шлейфа смыслов. Одновременно все книги – это «другое тело» своих создателей, в котором они живут после смерти своего физического тела. То же можно сказать и о произведениях визуального искусства. Павич обращает внимание читателя на картины двух авторов, отображающих одну и ту же сюжетную пресуппозицию: «Благовещение» Леонардо да Винчи и Тинторетто (Якопо Робусти). Являясь физическими закононосителями, эти картины символизируют возведение архангелом Гавриилом о будущем рождении Иисуса Христа, тем самым подкрепляют идею романа о воскресении Иисуса в другом теле.

Таким образом, все локусы физического пространства (а среди них также и объекты архитектуры – соборы Санти-Джованни-э-Паоло, Санта-Мария делла Салюте, церковь Санта-Мария делла Пьета, мост Риальто, Понте-делле-Тетте, площадь Морозини и др.) имеют концептуальное расширение своей семантики – становятся знаками истории и культуры.

Все «частные» пространственные образы объединяются в одну сложноструктурную сеть благодаря тому, что в каждом из них существуют одни и те же персонажи и вещи. Номинации этих персонажей и вещей становятся узлами семиотической сети, по которой можно переходить из пространства в пространство, из локуса в локус, из эпохи в эпоху. Например, Лиза Свифт и писатель живут на территории Сербии, в Белграде и селе Бабе. В качестве литератора и археолога они одновременно существуют в пространстве текстов культуры. Оба верят в Бога, читают Евангелие и следуют заповедям Христа и, в этом качестве, принадлежат пространству религий и верований. В романе представлено несколько снов, которые видят Лиза и писатель. Сны для М. Павича – это пространство, в котором человеческое бессознательное показывает сознанию смысл уже случившихся событий и будущее.

Вот вариант визуального представления модели этого сложноструктурного пространственного образа. Она включает систему сред, в области пересечения которых оказываются общие для них персонажи и вещи:

Рис. 1. Механизм объединения пространственных сред в романе М. Павича «Drugo telo»

Эта модель одновременно показывает возможность выстраивания иных, не актуализированных, но явно предполагаемых Павичем нарративов: различные маршруты интерпретации текста определяются выбираемым читателем «начальным» пространственным локусом.

Мультимодальный характер кодирования пространственных образов

Важнейшей характеристикой пространственного образа является принцип его мультимодального кодирования. Прежде всего, это связано с тем, что человек воспринимает мир сквозь призму разносемиотических (вербальных и невербальных) систем, то есть является семиотическим полиглотом. Все его знаковые системы не существуют автономно. Каждый из вербальных и невербальных языков обладает своим порогом репрезентативных возможностей. Вот почему разносемиотические системы поддерживают друг друга в коммуникации, используя по принципу дополнительности. Все эмпирически воспринятые данные (визуально, обонятельно и др.) обязательно кодируются вербально. Словесный знак – не просто «отклик» на то, что воспринято, например, глазом: словесная номинация есть «доказательство» того, что воспринятое осмыслено и названо. Верно и обратное. Читая вербальный текст, мозг создаёт ментальные образы того, что индексируется словом: читатель видит, слышит, обоняет, создаёт вкусовые ощущения. Благодаря «семиотическому дублированию физического мира» (Chernigovskaya, 2013: 138) текстовая картина мира обретает ту реалистичность и полноту, которая свойственна восприятию реальности. В каждом вербальном описании пространства скрыт невербальный код, позволяющий видеть и слышать текстовый мир, ощущать его на уровне запахов и прикосновений. С когнитивно-семиотической точки зрения, мы имеем здесь дело с техникой *скрытой полилингвальности*, когда формально читатель работает только с вербальным языком, но в действительности декодирует визуальные, аудиальные и другие невербальные знаки, которые индексируются словом.

Так, за описанием венецианского дома Захарии Орфелина стоит целая система невербальных языков. Благодаря словесным индексам читатель создаёт полимодальный ментальный пространственный образ. Наши глаза «видят» дом и перед ним площадку из камня: *zelena zgrada sa tri prozora*. Ухо «слышит» звон колокольной, а значит вдали от дома находится церковь. И каждый шаг по ступеням к дому соответствует ритму ударов колокола: *Zaharija se polako pope uza stepenike na sprat usklađujući i nehotice svaki nogostup sa udarom zvona u daljini*.

Оказавшись внутри дома, мы снова окажемся в звуковом, точнее, музыкальном пространстве. Здесь слышны звуки чембало, бой часов, десятилетиями существовавший мужской кашель и хорошо поставленный женский альт. При этом женский голос воспринимается сквозь призму температурного режима и даже запаха: он был горячим, как напиток, сваренный на черном сахаре (*pića kuvanog na crnome šećeru*).

Частью пространства венецианского дома становятся и запахи. В комнате Захарии пахло позавчерашним днём, тем самым, когда он еще ехал в коляске через Альпы. Мы ощущаем травяной запах, ароматы сушеных цветов, фруктов, веточек, сосновых иголок и очищенной древесной коры. Эти ароматы заполняют стеклянные сосуды, банки и бокалы. Анна Поцце, а вслед за ней и читатели, обнаруживают даже таинственный запах плода цикуты в белом вине. Трудно сказать, что эти запахи –

только образы, плод читательского воображения. В качестве ментальных образов они обладают поразительной реалистичностью.

Заглянем в комнату Захарии Орфелина и постепенно осмотримся. Сначала наш взгляд упадёт на шкаф с крюками для одежды и стеклянным тазом на треноге для умывания. Если заглянем внутрь шкафа, то увидим окно, которое выходило на пересечение двух каналов – Сан-Джованни-Хризостомо и канала Чудес (*prozor u ormanu koji je gledao na raskršće dva kanala – Svetoga Hristosoma I kanala degli Miracoli*). После обзора каналов взгляд упадёт на предметы, находящиеся на подоконнике: это яблоки и бутылка воды. Оглядывая комнату, мы заметим комод прошлого века, красиво украшенный цветами, который Захария использовал в качестве письменного стола. И, конечно, в его комнате было много книг: сочинения Иоанна Златоуста, сборник песен «Приветствие Моисею Путнику» и др. Конечно, и визуальные картины, стоящие за словом, – это результат когнитивного конструирования текстового мира. Но восприятие этих ментальных конструкторов полно и реалистично.

Достаточно часто, создавая пространственный образ, Милорад Павич работает с так называемой техникой *синестезии*, когда слово кодирует несколько эмпирических ощущений. Неотъемлемой частью пространства Венеции являются туманы над каналами и Дунаем. Туман у Павича – это объект физического мира, который воспринимается визуально, аудиально и даже на вкус. Так, туман над венецианской лагуной имеет солёный вкус: *mletačke lagune pune slane magle*. Глаз видит, как в тумане тонет день, как туман накрывает каналы Венеции, словно стремясь закрыть от непосвящённых все тайны Венеции.

Ухо слышит, как верхушки деревьев испаряют туман, а это уже звук. В туман садится тишина, и этот звук подчёркивает беспредельность и глубину скрытого пространства. В тишине тумана тонут и замерзают (а это уже тактильный образ) удары церковного колокола.

Создание ментальных пространственных образов со скрытой полилингвальностью – это важнейшая предпосылка «магического» реализма Милорада Павича. Магия реалистичности образов его романа имеет когнитивные механизмы. Если за словесными знаками скрывается код невербальных систем, то в результате при чтении текста возникает ментальный образ, который «воспринимается» всеми органами чувств. Описанное словами мы видим, слышим, обоняем, ощущаем кожей. Это и есть магия литературы.

Заключительные замечания

Результатом анализа пространственных образов в романе Милорада Павича «*Drugo telo*» стали следующие выводы. Мы исходим из того, что пространство дано человеку исключительно в форме ментальных образов. Их конструирование основано на принципе дополнительности вербальных и невербальных систем. Если при восприятии физического мира все языки работают в актуальном режиме (мир мы видим, слышим, ощущаем тактильно и на вкус, обоняем), то пространственные

образы в литературе основаны на скрытой полилингвальности. Формально мы читаем текст на вербальном языке, в реальности работаем с когнитивной достройкой образа (визуального, аудиального и др.) опираясь на собственный эмпирический опыт – текст своей памяти.

Реалистичность ментальных пространственных образов («магический реализм») обеспечивается как уже отмеченным принципом дополнительности разносемиотических систем (мультимодальным кодированием информации), так и детальностью тех эмпирических воспоминаний, на которые опирается читатель в ходе интерпретации текста. Если мы читаем, что удары церковного колокола замерзают в тишине тумана, то в качестве пресуппозиции восприятия читатель должен иметь отчётливые образы: тактильный (замерзают руки, например), звуковой (гаснущий звук музыкального инструмента), визуальный (бесконечность ватного белого тумана). Реалистичность восприятия текста будет предуготована тем, что за словесными *индексами* (туман, звук колокола) в памяти читателя хранятся *иконические* невербальные картины: цвет и плотность тумана, звук конкретного колокола.

В итоге, актуальное для современной когнитивистики изучение пространственных образов может с успехом проводиться на материале художественных текстов, что создаёт переход между собственно когнитивными исследованиями языка и когнитивной поэтикой.

Литература

- Bahmann-Medik D. (2017), *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture*, Moskva.
- Bashlyar G. (2014), *Poetika prostranstva*, Moskva, s. 11.
- Fauconnier G. (1985), *Mental spaces: roles and strategies*, Cambridge.
- Fauconnier G., Turner M. (1998), *Conceptual integration networks*, Cognitive Science, nr 2.
- Lakoff Dzh., Dzhonson M. (2004), *Metafori, kotorymi my zhivem*, Moskva, s. 35–45.
- Lefevr A. (2015), *Proizvodstvo prostranstva*, Moskva.
- Pavić M. (2014), *Drugo telo. Veštački mladež*, Beograd.
- Talmy L. (1983), *How language structures space*, New York; London.
- Tolmen E. (1980), *Kognitivnye karty u krysa i cheloveka. Hrestomatiya po istorii psihologii*, Moskva.

Streszczenie

Konstrukcja obrazów przestrzennych: od językoznawstwa kognitywnego do poetyki poznawczej (na podstawie powieści Milorada Pavicia „Drugo telo”)

Artykuł poświęcony jest problematyce konstruowania obrazów przestrzennych w powieści Milorada Pavica „Drugo telo”. Okazało się, że mechanizm mentalnej konstrukcji obrazów przestrzennych opiera się na zasadzie komplementarności języków werbalnych i niewerbalnych, czyli na zasadzie multimodalnego kodowania informacji. Za tekstem werbalnym kryją się obrazy wizualne, dźwiękowe, dotykowe i inne. Wiarygodność mentalnych obrazów przestrzennych zapewnia szczegółowość wspomnień, na których opiera się czytelnik podczas interpretacji tekstu. Realizm percepcji tekstu przygotowuje fakt, że ikoniczne obrazy są przechowywane w pamięci czytelnika za indeksami werbalnymi.

Słowa kluczowe: obraz przestrzenny, reprezentacje mentalne, kodowanie multimodalne, Milorad Pavić

Abstract

Construction of spatial images: from cognitive linguistics to cognitive poetics (based on the novel by Milorad Pavić “Drugo telo”)

The article is devoted to the problem of constructing spatial images in the novel by Milorad Pavić “Drugo telo”. It was revealed that the mechanism mental construction mechanism of spatial images is based on the principle of complementarity of verbal and non-verbal languages, that is, on the principle of multimodal information coding. There are visual, auditory, tactile and other images behind the verbal text. The reliability of mental spatial images is ensured by the detail of the memories on which the reader relies during the interpretation of the text. The realism of the perception of the text is prepared by the fact that iconic non-verbal pictures are stored in the reader’s memory behind the verbal indexes.

Keywords: spatial image, mental representations, multimodal coding, Milorad Pavić